Y1, C12: Мистер Хрупкая Китайская Кукла

На следующее день Ремус проснулся ровно в двенадцать часов ночи в холодном поту.

Дурацкое окно.

Обычно Ремус не был так чувствителен к подобным вещам. В ту ночь, когда его укусили, шел дождь, но он не боялся дождя. Перед сном мама прочитала Ремусу "Морж и плотник" (дважды), так как это было одним из любимых стихотворений Ремуса. В тот вечер они ели на ужин картофельное пюре, а Ремус совсем не боялся картофельного пюре (кто его вообще боится?).

Но было что-то такое в том, чтобы спать рядом с окном, что напоминало Ремусу о той роковой февральской ночи.

После того укуса Ремус убедил родителей переставить его кровать в другой конец комнаты и заблокировать окно - не единоножды, а в каждом доме, в котором они жили с тех пор. Он просто не мог выносить, когда окно смотрит на него во сне. Это было совершенно иррационально, Ремус знал. Он уже был оборотнем; не то чтобы он мог стать им снова. Кроме того, он никогда не спал в кровати в полнолуние. На самом деле, он вообще никогда не спал в полнолуние. Но все равно - было что-то такое, чего Ремус не мог вынести во всей этой ситуации.

Он изо всех сил старался вести себя тихо, но было уже слишком поздно. Дыхание Джеймса изменило ритм, и Ремус понял, что он просыпается. Заскрипели пружины кровати, послышались шаги. Вскоре после этого шторы Ремуса распахнулись без всякого словесного предупреждения. "Тебе действительно стоит постучать", - прошептал Ремус.

"Мерлинова борода, приятель. Ты похож на смерть". Ремус знал, что Джеймс, вероятно, прав. Он чувствовал, как пот капает ему в глаза, что было мягко говоря отвратительно. Он поспешно вытер лоб. "Кошмар?"

"Да".

"Что это с тобой?"

Ремус не был уверен, что именно ему сказать. Он не мог сказать правду, очевидно. "Думаю о маме. Я не могу перестать мыслить о том, что случится, если... если она... ну".

Джеймсу этого показалось достаточно, и он сочувственно кивнул. "Не могу даже представить, через что ты проходишь. Хочешь поговорить об этом? Сириус может спать под звуки выстрелов, и я уверен, что Питер давно умер".

Ремус определенно не хотел говорить об этом. "Нет, спасибо".

"Очень жаль. Я хочу. А теперь скажи мне, как ты повредил руку?"

Ремус лихорадочно перебирал в уме возможную ложь. Об этом он не подумал. "Э... собирал ингредиенты для зелий. Для моей мамы. Растения были колючими, и я знал, что если попросить мадам Помфри вылечить руку, то она только задаст вопросы. А я не хочу отвечать ни на один". Ремус молился, чтобы Джеймс понял намек. Никаких вопросов. Пожалуйста, Джеймс.

"Хм. Так что у нее? Маггловская болезнь?" Джеймс не понял намека, и теперь Ремус не знал, что сказать.

"Мы... не знаем. Врачи не могут этого выяснить".

"Тогда откуда вы знаете, что это смертельно?"

Ремус ненавидел это. Он ненавидел Джеймса. Он ненавидел вопросы. Он ненавидел жизнь. Он просто хотел спать. "Мы... не хотим. Но это очень плохо, Джеймс. Это очень страшно".

Джеймс кивнул и поджал губы. "Я могу что-нибудь сделать?"

"Вообще-то, да", - сказал Ремус. Джеймс нетерпеливо наклонился вперед. "Ты можешь идти спать и перестать меня допрашивать. Я устал".

Джеймс закатил глаза и выпустил через ноздри воздух, который пощекотал нос Ремуса. "Да, хорошо. Просто пытаюсь помочь".

"Я знаю!" - сказал Ремус, надеясь, что не обидел его. "Я знаю. Но это деликатная тема. Пожалуйста, постарайся не поднимать ее".

"Постараюсь". Джеймс улыбнулся ему и направился обратно к своей кровати. "Но Ремус, ты не можешь держать все это у себя в голове. Ты взорвешься, и это будет очень неприятно".

Ремус вспомнил, как говорил нечто подобное о своем отце Дамблдору и мадам Помфри. "Я постараюсь избежать этого", - отчеканил он. "Не хотелось бы, чтобы кто-нибудь пострадал".

"Так и сделай. Спокойной ночи, Ремус".

"Спокойной ночи, Джеймс".

Ремус был очень хорошим лжецом, и он больше не чувствовал себя виноватым. Он только надеялся, что этого было достаточно.

На следующее утро Ремус завтракал вместе с Джеймсом, Сириусом и Питером. Благодаря своим обостренным чувствам Ремус мог слышать, как Снейп говорил о нем несколькими столами дальше... но только если он действительно прислушивался. В Большом зале было шумно, а Ремус не привык к громким звукам. "...Я знал, что он просто убежит к своим друзьям, как только кто-то нагрубит ему... Я не знаю, почему он тебе так нравится, Лили; он действительно не стоит твоего времени".

"Ремус, ты с нами?" - пошутил Сириус, помахав рукой перед лицом Ремуса. "Ты жив?"

"В такую рань? Едва ли", - ответил Ремус. "Какие у нас сегодня занятия?"

"Чары", - сказал Джеймс. "Чары - первые. В прошлый раз ты многое пропустил: первый раз пользовался палочками и все такое. Хотя ты довольно хорошо разбираешься в заклинаниях, так что, думаю, ты справишься".

"Я гораздо лучше владею Чарами, чем Трансфигурацией", - сказал Ремус, - "но мне все равно требуется время, чтобы произнести заклинание удачно".

"Ну, это мы еще посмотрим", - сказал Сириус. "Только постарайся победить Джеймса, ладно? Он так быстро справился с заклинанием, что я думал, у Флитвика будет припадок".

Ремус улыбнулся. "Это будет несложно", - сказал он, и Джеймс в отместку пнул Ремуса под столом.

Ой. Ремус стиснул зубы и почувствовал, как на глаза наворачиваются слезы. Джеймс ударил Ремуса не очень сильно, совсем легонько. Но его удар пришелся прямо на рану Ремуса, полученную в прошлое полнолуние. Ремус улыбнулся и попытался рассмеяться, но у него ничего не вышло.

"Я сделал тебе больно?" - обеспокоенно спросил Джеймс.

"Низкий болевой порог", - ответил Ремус. "Это как-то неловко". Это было неправдой. У Ремуса был до смешного высокий болевой порог, благодаря семидесяти с лишним полнолуниям.

"Ах, прости", - сказал Джеймс. "С этого момента я буду обращаться с тобой, как с хрупкой фарфоровой куклой".

"Заткнись".

"Хорошо, мистер Хрупкая Китайская Кукла. Я обещаю, что не причиню тебе вреда".

"Я сделаю тебе больно, если ты еще раз назовешь меня так... эээ". Ремус услышал знакомое дыхание позади себя и обернулся. Там стоял Альбус Дамблдор, спокойно улыбаясь и глядя в потолок, как будто ему не было до этого никакого дела. "Профессор Дамблдор? Я не собирался причинять ему вред..."

"Я знаю", - безмятежно сказал Дамблдор. "Я пришел попросить вас зайти ко мне в кабинет сегодня после занятий. Пароль теперь - Сахарное Перо".

Ремус кивнул, и Дамблдор ушел, не сказав ни слова. Джеймс и Сириус дьявольски ухмылялись; Питер пытался подражать им, но его ухмылка выглядела только клоунской. "Знаешь, что мы можем сделать с этой информацией?" - сказал Сириус.

"Нанести Дамблдору дружеский визит?" - спросил Ремус, не совсем понимая, о чем идет речь.

"Нет, мистер Хрупкая Китайская Кукла", - сказал Джеймс, и Ремус вздрогнул. "Мы могли бы... подсыпать в его одежду чесоточный порошок".

"Или... превратить все его перья в жуков", - сказал Сириус.

"Или посолить его чай!" - сказал Питер.

"И зачем, скажи на милость, тебе это делать?" - спросил Ремус. Он очень не хотел, чтобы его друзья причинили вред Дамблдору, который так много для него сделал.

"По той же причине, по которой ты проклял свой сундук, старина", - сказал Джеймс. "Весело".

Ремус покачал головой. "Нет. Я заколдовал свой сундук специально, чтобы отомстить тем, кто пытался подглядывать", - сказал он. "Такие вещи веселят только тогда, когда ты кому-то за что-то мстишь... или мешаешь сделать что-то плохое. Случайный розыгрыш директора - это немного... по-детски. У нас должна быть цель".

Сириус низко присвистнул. "Разве ты не знаешь все о розыгрышах?"

Ремус вспомнил слова Распределяющей шляпы. Склонность к хаосу. "Полагаю, что да", - сказал он, - "так что вам лучше выслушать меня".

"Да, сэр!" - сказал Питер, заслужив ехидный смешок от Сириуса и широко ухмыляясь.

"Да здравствует Король Хаоса", - сказал Сириус. "Так кого ты предлагаешь разыграть?"

"Джеймса". Ремус и бровью не повёл, сказав это.

"Что?"

"Он назвал меня хрупкой фарфоровой куклой. Дважды. Я хочу отомстить".

Джеймс положил руку на сердце, делая вид, что обиделся. "Не думаю, что у тебя хватит смелости, хрупкая китайская кукла".

"О, началось", - сказал Ремус, вставая, чтобы идти на урок Чародейства. "И Сириус: дай мне день или два, и я придумаю имя для твоей совы, обещаю".

Ремус решил, что Распределяющая шляпа все-таки была права. Он никогда не чувствовал себя более истинным гриффиндорцем.

Официальное заявление: Профессор Флитвик - самый любимый учитель Ремуса. Его объяснения были краткими, заклинания, которые они практиковали раньше, очень помогали, а Вингардиум Левиоса Ремус довел до совершенства всего за три попытки. Не было никаких признаков того, что профессор Флитвик знал о ликантропии Ремуса - профессор так хорошо притворялся, что с Ремусом все в порядке, что иногда Ремус даже был одурачен.

Он похвалил Ремуса за прекрасное владение палочкой, как это сделала профессор МакГонагалл, но с гораздо большим энтузиазмом. Его глаза не задерживались на Ремусе больше или меньше, чем на остальных учениках. Он не бросал на Ремуса взгляд, когда тот входил в кабинет Чародейства (как некоторые другие учителя Ремуса). Он относился к Ремусу так же, как к Питеру, Джеймсу и Сириусу - не лучше и не хуже. Это был именно то отношение, в котором Ремус так нуждался, а отсутствие пристальных взглядов и осуждения позволило ему полностью сосредоточиться на заклинаниях.

Занятие было даже относительно веселым: поскольку все были увлечены изучением заклинаний, а профессор Флитвик придумал несколько игр, чтобы ученики легче запоминали информацию и были более уверенными в своих силах. Ремус объединился с Питером, и они вместе левитировали перья через обруч, заставили их зависать в воздухе друг у друга перед глазами и даже попытались опустить их на мантии Джеймса и Сириуса. Вторая попытка Ремуса была успешной, и за это он получил очень неприятный взгляд от Сириуса и перо себе в лицо (что заставило его сильно чихнуть).

Даже Снейп выглядел так, будто ему весело - у них с Лили был напряженный бой перьями. Он бил ее безжалостно, а Лили смеялась так сильно, что ее щеки раскраснелись, а в глазах будто были слёзы. Даже Снейп улыбался - или ухмылялся? Ремус не знал, что это было за выражение. Вообще-то, оно было страшноватым.

Ремус был разочарован, когда урок закончился и пришло время идти на Защиту от темных искусств. Он чувствовал, что его отношения с Квестусом стали намного лучше, чем раньше, но он немного беспокоился, что это ненадолго. Ремус твердо решил держаться подальше от язвительных комментариев, пока не закончится "Защита от темных искусств".

"Веселый урок, да?" - сказал Джеймс, увлеченно вертя перо между пальцами. "Не могу поверить, что ты наложил чары с третьей попытки, Ремус, мне понадобилось четыре".

"Значит, я тебя все-таки победил", - сказал Ремус. "Хотя я не уверен, что сделал бы это так быстро, если бы профессор Флитвик не помог мне".

"Это было так весело", - сказал Питер, все еще немного задыхаясь от сильного смеха. "Флитвик великолепен, не так ли?".

"Хоть раз в жизни ты прав", - сказал Сириус. "Думаю, это был лучший урок из всех, что у нас были". Если и Питер заметил это, то не подал виду. Ремус на мгновение задумался, не расколется ли лицо Питера пополам от такой сильной улыбки. Ремус, как никто другой, знал, что раскалывать и восстанавливать кожу очень больно, поэтому он очень надеялся, что лицо Питера останется целым.

Они вошли в кабинет Защиты от темных искусств, и Ремус попрощался с друзьями и занял место рядом с Лили. "Он снова разочарован?" - спросила Лили, повернув голову в сторону входа в комнату, где до этого стоял Квестус.

"Ну, я не знаю", - сказал Ремус, который прекрасно знал, что Квестус действительно снова стал невидимкой, чтобы пошпионить за классом. "Но если это так, то на этот раз он дышит не так громко". Он направил это замечание на Квестуса, который выпустил через ноздри забавный поток воздуха, который Ремус услышал громко и отчетливо.

В течение нескольких минут Ремус беседовал с Лили, с болью осознавая, что здесь находится Квестус. "Ты уже изучил те записи, которые я тебе дала?" - спросила Лили.

"Конечно".

"Быстро: какая иерархия заклинаний?"

"Сглаз, заклятие, проклятие, от наименьшего к наибольшему". пробормотал Ремус. "А некоторые относят Непростительные к еще более высокой категории, хотя это спорно. В чем разница между чарами и приворотами?"

"Чары действуют дольше", - просто ответила Лили. "Разница между Темной магией и Черной магией?"

"Черная магия ограничивается вуду и некоторыми кровавыми ритуалами", - сказал Ремус. "Чем бы ты предпочел поразить Джеймса и Сириуса: Бэт-Боги-заклинанием или колено-обратным?"

"Коленно-обратным. Да уж. Они бы получили ужасно большой кайф от полёта как летучая мышь. Ты бы предпочел сражаться с вампиром или оборотнем?"

Ремус почувствовал, как его кровь похолодела. Он уже делал это. Ну, он не особо боролся - он помнил, как пытался прикрыть голову, когда клыки вонзились ему в плечо. У него не было ни единого шанса, правда. "Оборотень", - сказал он как можно отчетливее.

"Что? Почему?"

"Потому что мне пришлось бы оставаться в живых всего... сколько, девять часов? Десять? Потом оборотень превратится обратно, извинится и пригласит меня на чай". Ремус усмехнулся и от всего сердца понадеялся, что она примет это как ответ.

"Глупости; он опасен и в человеческой форме", - сказала Лили, и сердце Ремуса упало. "Я слышала истории".

"Ну, может быть. Но никогда не встречал ни одного. Ты знаешь столько же, сколько и я". Что ж, это была откровенная ложь. "Я спрошу это для тебя, если когда-нибудь встречу. Какой твой любимый сглаз?" Пожалуйста, купись на это, пожалуйста, купись на это...

"Желейно-мозговой сглаз. Какая разница между..." Ее голос прервался, когда маскировка Квестуса исчезла прямо у них на глазах. Ремус даже не вздрогнул. Квестус был там уже пять минут. "Я не думаю, что подслушивать - это очень вежливо", - смело заявила Лили.

В классе воцарилась мертвая тишина. Ремус мог бы услышать, как упадет булавка - даже без слуха оборотня, он был в этом уверен.

"Замечание вам, Эванс", - сказал Квестус. "Сегодня вечером. В шесть вечера. За сомнение в моей власти".

Лицо Лили покраснело, но она не отступила. Ремус был должным образом впечатлен... если не боялся за жизнь Лили. "Я не оспариваю вашу власть, сэр; я лишь высказываю свое мнение. Конечно, вы можете делать все, что хотите... но я подумала, что вы захотите узнать, что я думаю по этому поводу".

В классе стало ещё тише, и Ремус не мог в это поверить.

Затем Квестус начал слегка смеяться.

"Я это уважаю, Эванс", - сказал он. "Видите ли, это то, что вам понадобится, когда вы будете противостоять Темным Искусствам. Смелость, превосходящая все, чему можно научить здесь, твердые личные убеждения... и определенная язвительность. У вас все получится, Лили Эванс".

Лили засияла. "Так мне можно не отбывать наказание после уроков?"

"Нет".

Профессор Квестус был странным человеком, это точно. Но Ремусу он скорее нравился. По мнению Ремуса, в нем была своя изюминка, и было приятно хоть раз не знать, чего ожидать. Он начинал понимать, что его тихая домашняя жизнь была совсем не такой уж веселой.

Верный своему слову, Ремус встретился с профессором Дамблдором, как только закончились занятия. Джеймс очень хотел прийти. "Мы уже знаем о твоей маме!" - сказал он. "И я хочу посмотреть на кабинет Дамблдора изнутри". Ремус очень сомневался, что предстоящий разговор касается его больной матери, поэтому он вежливо отказался. Джеймс дулся всего пять минут и тридцать семь секунд: Ремус счел это достижением.

"Сахарное перо", - сказал он горгулье, и та посторонилась, пропуская его. Ремус вошел, немного нервничая. Он ненавидел обсуждать свою ликантропию, а разговор с Лили лишил его сил обсуждать оборотней с кем бы то ни было, даже с таким добрым и понимающим человеком, как профессор Дамблдор.

"Сэр?" - медленно произнес он, подходя к столу Дамблдора. "О чем вы хотели со мной поговорить?"

"Ремус", - сказал Дамблдор. Он выглядел немного усталым, но Ремус не мог понять, почему. "Боюсь, я должен попросить тебя сделать кое-что очень неудобное".

Ремус не знал, как к этому относиться.

"Садись", - сказал Дамблдор. "Мне нужно многое объяснить".

Ремус почувствовал сильное беспокойство. "Вы заставляете меня волноваться", - признался он.

"И себя тоже", - сказал Дамблдор, но Ремус не мог представить, чтобы Дамблдор (из всех людей) испытывал опасения. "Ремус, я осознал, какие боли и страдания ты испытываешь перед и во время полнолуния ".

Ремус задумался, не вытекает ли это откровение из разговора с мадам Помфри, который он подслушал. "Привыкнуть можно практически ко всему", - робко ответил он.

"Похвальное заявление, - сказал Дамблдор, - но я не могу с этим согласиться. Если ты позволишь, я очень опытный и могущественный волшебник. Я верю, что, если ты позволишь, я смогу найти способ помочь тебе...".

"Нет." сказал Ремус, зажмурив глаза. "Мы с родителями объездили весь континент в поисках лекарства. Ни одно из них не имело особенно приятного эффекта... и ни одно даже близко не работало. Сэр, ложная надежда гораздо более болезненна, чем... осознанное принятие".

Дамблдор кивнул. "Конечно. Я не стремлюсь вылечить тебя, Ремус. Я просто хочу облегчить боль. Просто небольшие вещи - убрать из твоего окружения то, что тебя раздражает, возможно. Или наложить дополнительные чары на здание, если это необходимо. Меня не устраивает наблюдать за этим, зная, что я ничего не сделал. Это не мой способ решать проблемы. Это моя прискорбная привычка - совать свой нос туда, где ему не место". Дамблдор немного грустно улыбнулся и предложил Ремусу печенье. Ремус отказался.

"Итак... как бы вы...? Пожалуйста, скажи мне, что вы не хотите посмотреть за мной во время превращения, потому что вы бы умерли... Я бы никогда не стал так рисковать, особенно из-за такой мелочи. Вы бы не хотели этого, не так ли?".

"Нет, - сказал Дамблдор, - не в том смысле, о котором ты думаешь. Ремус, ты умеешь пользоваться омутом памяти?".

У Ремуса открылся рот. "Абсолютно нет. То есть да, умею, но нет. Об этом не может быть и речи".

"Я понимаю, но..."

"Нет. Вы не понимаете", - сказал Ремус, отчаянно пытаясь восстановить контроль. "Это... личное. Это постыдно. Это ужасно, и это не то, что я пожелал бы своему злейшему врагу...

даже для такого просмотра. Сэр, я....".

"Я уже пережил войну. Мне не чужды жуткие сцены".

"Я не какое-то существо в зоопарке!" - сказал Ремус, забыв о вежливости. "Я не..." Он узнал это чувство, гнев в глубине его сознания... вспыльчивость была, к сожалению, еще одним побочным эффектом ликантропии. Ремусу нужно было передохнуть. "Дайте мне минутку".

Дамблдор разрешил, и Ремус уставился в пол и вдохнул через нос... выдохнул через рот. Прошло около двух минут, прежде чем он снова почувствовал себя самим собой. "Мне очень жаль. Я не могу этого сделать, профессор".

"Ты проведешь здесь семь лет, и я не собираюсь сидеть сложа руки и позволять тебе страдать. Я, конечно, понимаю твоё желание скрыть это от чужих глаз. Это совершенно нормально; я только хотел сказать, что готов помочь, если ты разрешишь мне это сделать. Я понимаю, что я мало что могу сделать, но если есть хоть что-то - хоть что-то! Я должен хотя бы знать, что я пытался. Мадам Помфри сама не согласится на меньшее".

Ремус почувствовал укол вины, осознав, сколько боли он причиняет и Дамблдору, и мадам Помфри... и даже его родители были бы разочарованы в нем, если бы он отказался от помощи Альбуса Дамблдора. Но он не мог. "Мне жаль разочаровывать вас, но я не могу. Я же сказал тебе: это личное".

"Я понимаю. Этого никогда бы не потребовалось от тебя, Ремус. Но я хочу, чтобы ты знал, что можешь доверять мне, если тебе вдруг понадобится....".

Ремус прервал Дамблдора. "Да, просто... Я бы даже не позволил своим родителям увидеть это. Я не... Я даже сам не пересматривал воспоминания о полнолунии. Вы многого просите".

"Я знаю."

"Я даже не помню, что я делала перед этим. Наверное, я делал что-то странное, бормотал про себя или что-то в этом роде".

"Я делаю то же самое, Ремус. Профессор МакГонагалл не раз говорила мне, что я очень раздражаю".

"Я не могу".

"Если ты так считаешь", - грустно сказал профессор Дамблдор. "Я не буду больше поднимать этот вопрос. Но, может быть, когда-нибудь в будущем...?"

"Я сомневаюсь в этом".

"Понятно. Приятного вечера, Ремус". Дамблдор вернулся к своей работе, успокаивающе царапая пером по бумаге.

Ремус знал, что может идти, но не мог. Чувство вины тяготило его сердце, как никогда раньше... и какое-то любопытство. Нет, не совсем так; скорее... надежда.

Надежда.

Ложная надежда. А может, и нет?

Даже если это была ложная надежда, Ремус чувствовал, что он чем-то обязан профессору Дамблдору. Ремус знал, что Дамблдор не только любопытен, но и полезен. Вероятно, он хотел увидеть это и из чистого любопытства, и из желания помочь. Ремус мог дать ему это, не так ли? Если Дамблдор действительно хотел увидеть, что произошло...

чтобы поглазеть на Ремуса, как на образец. Или, может быть, нет?

Возможно, это было просто академическое любопытство? Возможно, он считал состояние Ремуса чем-то не принадлежащим ему самому? Может быть, Дамблдор был из тех людей, которые могут наблюдать за эффектами, не думая о пострадавшем человеке...

Нет, в словах Ремуса не было никакого смысла. А может быть, так оно и было?

Дело в том, что Ремус действительно хотел, чтобы кто-то увидел - в каком-то извращенном смысле. Быть единственным носителем этого секрета было очень тяжело. Возможно, это помогло бы, если бы кто-то еще знал, что происходит каждое полнолуние... если бы кто-то еще понимал.

Возможно, это поможет. А может, и нет?

"Вы обещаете не жалеть меня?" - спросил он. Дамблдор поднял голову, его перо остановилось. "Я не люблю жалость".

"Я обещаю".

"Хорошо." прошептал Ремус. "Тогда все в порядке. Я имею в виду... Я думаю. Все в порядке, я имею в виду".

"Ты мне ничего не должен, Ремус. Ты не должен делать ничего, чего не хочешь".

"Но это может помочь?"

"Может."

"А может и нет."

"Может, нет".

"Хорошо."

"Ты уверен?"

"Да. Где бы вы хотели, чтобы воспоминание начиналось и заканчивалось?"

"С момента, когда ты вошёл в хижину, до момента, когда ты её покидаешь, если можно".

"Хорошо. Хорошо. Хорошо."

"Ремус..."

"Нет. Я хочу". Ремус не хотел этого делать, вообще-то... но он хотел, чтобы это было сделано. В этом тоже не было особого смысла, но Ремус подозревал, что уже ничто не имеет смысла.

Ремус поднес палочку к виску и вспомнил воспоминание, каким бы болезненным оно ни было.

Убрав палочку, он почувствовал, что голова сразу же прояснилась, как будто с плеч свалился огромный груз. Ремус понравился омут памяти.

Вот он, доверивший все свои секреты профессору Дамблдору, человеку, которого он знал меньше месяца. "Спасибо, сэр", - сказал он. "И, пожалуйста, постарайтесь не жалеть меня. Я же говорил вам: человек может привыкнуть ко всему. Все не так плохо, как кажется". Это была ложь, и, судя по всему, Дамблдор знал это.

"Спасибо, Ремус. Я знаю, что это требует большого доверия, и я не хочу, чтобы ты волновался. Я могу обещать тебе, что мое отношение к тебе не изменится".

Ремус не был уверен, что Дамблдор вообще может такое обещать, но он всем сердцем надеялся, что разделение боли уменьшит ее.

В конце концов, если нести такую тяжесть в одиночку, то с возрастом у него могут появиться убийственные боли в спине.

http://tl.rulate.ru/book/67209/1787418